
А.Ю. Согомонов

УДК 174

**Моральная философия
и ранняя образовательная практика в России.
В.Н. Татищев – просветитель и основоположник
отечественной инженерной дидактики**

Аннотация. Отечественная просветительская мысль в первой половине XVIII века преимущественно реализовывалась в форме моральной философии, составленной эклектическим образом из идей и концепций, почерпнутых из гуманистической традиции, рациональной философии раннего Нового времени и религиозной теологии. В.Н. Татищев (1685-1750) – самая яркая фигура среди мыслителей и государственных деятелей первого «петровского призыва». Его деятельность на Урале связана не только с горнодобычей, устройством заводов и местной жизни, но и с организацией первых образовательных учреждений, ориентированных как на общее, так и на техническое образование. За свои 17 лет, которые он провел на Урале, им были заложены «основы» образовательной политики России, в том числе и в сфере инженерного дела. К числу его базовых философско-дидактических «новаций» можно отнести многие образовательные принципы и нормы, которые впоследствии долгие столетия составляли отечественную «колею истории». Среди них: (а) тотальное переподчинение образования государству, (б) трактовка инженерной профессии как служения государству, (в) организация набора детей по принципу «обязательного призыва» из всех сословий, (г) отказ от свободного распределения выпускников в пользу принуждения к работе на государственных заводах, (д) педагогический и поведенческий контроль за корпусом учителей, и т.д. Татищев был первым русским идеологом радикального государственничества, выразителем «аксиологии этатизма». Анализ философско-практического наследия Татищева помогает лучше раскрыть социальные особенности вступления России в стадию ранней модернизации и построения ею своего варианта общества современного типа.

Ключевые слова: моральная философия, Василий Татищев, Просвещение, инженерное образование, «аксиология этатизма», «колея истории», «институциональная память».

*Вы не будете хорошим экономистом,
не став при этом психологом. Или
хорошим инженером без знания ме-
тафизики.*

Олдос Хаксли. «Остров». 1962

Ранняя империя была временем фундаментальных перемен в русской общественно-политической и культурной жизни. Страна открывала для себя новые горизонты познания и мышления, революционно обустроивала свой социальный миропорядок. Осваивала иностранные языки, погружалась в разные контексты европейской прозы и поэзии, философии и права. И, конечно же, с нуля создавала первые специализированные образовательные учреждения. Все это нередко в специальной литературе именуется российским «культурным поворотом» в историческом облике нарождавшегося русского проекта простая Современность (ранний модерн). Обращая свой взор к тем стародавним временам, нам гораздо яснее становится наше настоящее. «Колея» отечественной истории конструировалась именно в ту эпоху, и поэтому раскрытие первых успехов и неудач в становлении российской модели философии образования, ее институциональных форм и, в частности, практик технического обучения, крайне необходимо для понимания российской образовательной традиции, ее социальной природы, «родимых пятен» и «извечных» проблем.

Открытие, или точнее – изобретение, первых специализированных образовательных образцов имело долгосрочные последствия для развития страны. Нельзя сказать, что с точки зрения педагогических технологий тогда закладывался какой-то долгосрочный тренд, слишком часто в стране менялись образовательные схемы, да и к тому же в первой половине XVIII века организаторы и попечители то и дело шаркались из крайности в крайность. И все же в исторической ретроспективе эксперименты эпохи раннего Просвещения, действительно, заложили вектор аутентичного социокультурного пути в эволюции российской образовательной идеологии и политики, с которого по большому счету до сих пор так и не сошло наше специальное и высшее образование, хоть и преобразилось до неузнаваемости.

В первой половине XVIII столетия буквально все образовательные учреждения в России еще не представляли собой чего-то институционально устойчивого и стабильного. Во многом это были «персоналистские» учреждения, то есть всецело зависящие от индивидуальных установок и предпочтений, жизненных приоритетов и своеволия их «патронов». А так как они часто сменяли друг друга, то и учебно-организационные их «заведения» подчас весьма кардинально переустроивались. «Патронами» почти всегда выступали вельможи первого эшелона - люди яркие, амбициозные, великодержавные, с гонором и абсолютно авантюрные по своему духу и характеру, что не могло в свою очередь не сказаться на образовательных учреждениях.

И поэтому совершенно не случайно сегодня все раннее русское образование той эпохи именуется то «авантюрным», то «проектерским» [16].

Эра Петра Великого подарила стране целую плеяду выдающихся исторических личностей, масштаб которых соответствовал великим целям царя-реформатора. Все они в своей деятельности отставляли интересы государства, правда и не забывали про свой личный профит. Официальная историография настаивала на их героизации и оправдывала их произвол и беззаконие, жесткость в поведении и чрезмерную административную жестокость, списывая все это на особенности исторического момента. Однако в народной памяти многие из них запомнились прежде всего своими дурными свойствами и склонностями, корыстью, злонамеренностью и насилием по отношению к простому люду.

На этом историческом фоне совершенно контрастно прочерчена фигура Василия Никитича Татищева (1686–1750), государственного деятеля с большой буквы, великолепного организатора, талантливого дипломата, высокообразованного энциклопедиста, бесспорного «пионера» во многих сферах знания – географии, истории, естествознания, палеонтологии, геологии, лингвистике, экономики, финансах и т.д. В царское время историки почитали его как «замечательное явление своей эпохи», не позволявшего себе чрезмерных злоупотреблений, хоть и не избежавшего все же репутации коррупционера [9]. В советской и постсоветской исторической науке Татищеву не удалось удержаться на «троне» национального лидера с безукоризненной репутацией, вскрылось немало «темных» страниц его личной и политической биографии. Очевидно также, что не без оснований он часто подвергался критике и как основоположник русской историографии за недобросовестность и даже махинации в работе с первоисточниками, а вокруг его корпуса русской истории по-прежнему идут ожесточенные споры [15].

Впрочем, оставим все эти вопросы о подлинности биографических деталей и основаниях двусмысленной славы Татищева на суд профессиональных историков. Нас же в предлагаемом очерке будут интересовать два взаимно связанных сюжета – моральная философия и образовательная активность Татищева. Каким образом они согласовывались в его целостном мировоззрении, как отражались в его организаторской деятельности на поприще инженерного образования. И, разумеется, какое значение все это имело для последующего развития образовательных институтов и культуры страны в целом.

Рациональная философия и христианский морализм

Татищев, более известный нашим современникам как промышленный покоритель Урала, видный дипломат и первый русский историк, был при этом весьма тонким и оригинальным мыслителем, первым русским деистом, сочетавшим глубокое знание христианской теологии и рационального научного знания. Знакомство с его сочинениями говорит нам о том, что он сам *не претендовал на роль первооткрывателя* каких-либо философских истин, но настолько умело расставлял акценты в просветительском нарративе первой половины XVIII в., что по праву может быть отнесен к числу самых влиятельных умов ранней империи. Его взгляды на вопросы российского государственно-общественного управления и территориального обустройства отличались большой оригинальностью, хоть он и унаследовал от своих предшественников склонность видеть прошлое и настоящее страны сквозь призму легитимного монархизма, оправдывая его аргументами, почерпнутыми в том числе из западной мысли раннего Нового времени. Он испытал на себе также сильное влияние со стороны известного политического и идейного сподвижника Петра I, Феофана Прокоповича.

Татищев был безусловным сторонником европейской по происхождению теории естественного права, естественной религии и морали (по большей части известной ему в трактовках Гроция, Пуфендорфа, Вольфа, Бейля). При этом он сумел удивительно *корректно адаптировать* это знание к политико-географическому и этнокультурному своеобразию России. По своим общественно-политическим взглядам он был последовательным сторонником царского единовластия и неизбежности социального строя России, что дало ряду исследователей весомое основание считать его одним из *основоположников русского консерватизма* [7, 85-86].

В ряде своих сочинений Татищев касался общих вопросов словесного образования и воспитания случайно и поверхностно, но в одном чрезвычайно интересном и необычном для всей эпохи тексте, написанным им уже в постпетровское время, он рассуждает об этом сосредоточено, вдумчиво и весьма основательно. Сочинение «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», датированный 1733 годом, составлен им в примечательной философско-диалогической форме. Но это отнюдь не сократический и даже не ренессансный диалог. Приятели представлены Татищевым анонимно, приходится лишь догадываться об их сословной и авторской принадлежности. По форме структурированных вопросов и ответов весь «Разговор» больше походит на импровизированный катехизис, чем на дискурсив-

ную философскую беседу с борьбой противоположных идей и суждений, свойственной раннему просветительскому жанру Европы. Одному из беседующих Татищев отводит лишь роль вопрошающего, другому же, за которым, очевидно, скрывается сам автор, предоставлена миссия ведущего всю смысловую беседу. И это – безусловно, энциклопедически образованный учитель и трезвомыслящий аналитик.

«Разговор» составлен с четких просветительских позиций и своей внутренней амбицией имел ясную намеренность предъявить новое деистическое «откровение» читающей публике России. Правда, по большей части содержащиеся в диалоге «откровения» были вторичными и заимствованы Татищевым либо из наследия античного мудрствования, либо из европейской философии (любомудрия) Нового времени, при этом были весьма изящно подкреплены библейскими отсылками. Но собранные воедино и переосмысленные Татищевым эти идеи послужили своего рода «нулевым километром» для зарождения философско-просветительского нарратива в ранней империи.

Важно понимать, что многие мысли «Разговора» по сути были *впервые сформулированы по-русски*, и потому немудрено, что они получили большой читательский отклик. Более того, некоторые идеи в их вербальном оформлении вошли и в наш повседневный коммуникативный обиход с легкой руки Татищева, так как используются поныне. К примеру, Татищев воспользовался укороченной Сенекой формулой известной максимы и открыл ей долгий фольклорный путь в качестве «сугубо» русской присказки «век живи – век учись». В одном из своих писем к Луцилию Сенека, действительно, пишет: «Учись, покуда чего не знаешь, а если верить пословице, то и 'век живи, век учись'. И ни к чему другому неприложимо это правило лучше: век живи – век учись тому, как следует жить» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. LXXVI:3). Сам Сенека как будто ссылается на латинскую крылатую фразу (*si proverbio credimus*), но для потомков важнее было не столько эта емкая формула, сколько ее стоическое раскрытие в отношении смыслов старости. Так и Татищев вслед за Сенекой вспоминает об этой максиме, рассуждая о *значимости научении даже в старости*, буквально следуя по стопам римского философа. Посреди своего «Разговора» он вдруг восклицает: «... человеку нужно век жить, век и учиться и от вреда храниться, зане до старости истинного добра по естеству познать не способен» [12, 68]. А ведь можно и в сто лет по незнанию оставаться младенцем, риторически замечает Татищев. В современном же обиходе важнее стал совершенно другой акцент: век живи, век учись, все равно дураком помрешь. Стоический смысл оказался утрачен.

«Разговор» Татищева пестрит просветительской терминологией и богат разными максимами и афоризмами. Прежде всего в глаза бросается высокочастотное употребление слов «ум», «разум» и «истина», а также их всевозможных производных во многих словосочетаниях. Разум трактуется как высшая и вожденная цель и одновременно – как главный инструмент всякого человеческого действия и развития. Он же, по Татищеву, главная *причина гражданского благоразумия*. Разум приобретается с младенчества усилием и научением, он противостоит природной злобе всякого остающегося «в невежестве» человека. Этим Татищев подчеркивал значимость именно морально-философского знания, что отнюдь не противоречило, по его мнению, руководящему началу в жизни человека христианского верования. Впрочем, самым главным для него было подчеркнуть важность философии как *утешительного знания*, ибо без нее не дано «человеку ученому»¹ ни познание смыслов современной жизни и ее подлинных ценностей, ни понимание своего места в обществе и культуре. И в этом интеллектуальном «проекте» Татищев, действительно, многое заимствует из античной стоической традиции напрямую или из ее интерпретаций Нового времени (к примеру, Паскалем).

Несколько позднее по времени, уже при написании «Истории Российской», Татищев вновь обратится к понятию «ума», но уже как к аналитической категории. На вопрос, «отчего происходят все деяния и приключения» в истории, он дает предельно ясный ответ, безусловно, заимствованный им у европейских философов: «все деяния от ума или глупости происходят» [13, 92]. При этом «глупость» он не рассматривает как философскую категорию, полагая ее не особой сущностью, а «токмо недостатком или оскудением ума» [13, 92]. Но поскольку «ум» в состоянии простых смыслов свойствен и животному миру и обычным людям, глупейшим по природе, постольку Татищев вслед за своими европейскими менторами, противопоставляет «простой» ум «просвещенному», то есть собственно «разуму», а еще точнее – *уму развитому и исправленному*. Весь этот долгий всемирно-исторический процесс он трактовал не иначе как мировое «умопросвящения» [2].

«Разговор» Татищева – это, пожалуй, первая в России апология социальному знанию и просвещению в целом. Правда, к общему образованию вообще у него было весьма настороженное отношение, что

¹ Словосочетание «человек ученый» Татищев использовал как синоним «человека просвещенного», речь у него отнюдь не шла об «академическом» человеке науки [9].

вполне ожидаемо, ибо в то время принято было видеть плюсы и минусы разных институциональных форм сословного обучения; особенно он критиковал домашнее образование [6]. Несмотря на лексический архаизм, текст «Разговора» являет собой яркий пример «зрелого» просветительского мышления. Успешность жизненного проекта любого подданного империи (его карьеру, благосостояние, славу представителя верхних слоев общества) он поставил в прямую зависимость от «учености», что даже для продвинутой части российского дворянства было принципиально новым и безусловным «открытием», то есть искомым, если следовать замыслу Татищева, *просветлением ума* высшего сословия.

И поскольку сам Татищев был человеком дела, то и особое внимание он уделил тем сторонам философского знания, которые помогали бы воплощать в практику путеводные просветительские идеи. Он последовательно выступал против невежества, аргументируя это тем, что непросвещенный ум способен нанести многим вред себе и другим людям, породить злодейство, ибо подпитывает суеверия и всякие «сквернодействия и свирепости». При этом следует помнить, что просвещение ума дается человеку, согласно Татищеву, равным образом как науками, так и христианским наставлением, ибо *рациональное знание не противоречит вере*.

Татищев прекрасно чувствовал настроения господствующего класса в отношении учения и образованности, поэтому подробно и красноречиво отвечал на типичные сомнения и в то же время его чаяния. Главный для дворян вопрос, конечно же, упирался в *понимание пользы от наук*. Татищев без колебаний отвергает все связанные с этим предрассудки. Рассуждение о том, что государству полезнее иметь народ «простее и покорнее», он «квалифицирует» в неблагоприятной скрытности под «мохиовелическими плевелами»². Напротив, по мысли Татищева, благоразумный политик исходит из того, что «науки государству более пользы, чем буйству и невежество, произвести могут» [12, 83].

Незнание и неразумие вредно человеку и обществу в равной мере. В обосновании этого тезиса Татищев опирается на философско-просветительское понятие разума, точнее: его *индивидуального при-*

² Под этим таинственным эпитетом явно скрывается имя Никколо Макиавелли, не встретившего изначально в России, как известно, какого-либо почтения. Не случайно, поэтому, абстрактный типаж государственного «злодея» Татищев именуется не как иначе, как «махиовелистом», путаясь, однако, все время в написании имени великого флорентийца [12, 83, 86].

менения во имя общественной пользы, как это четко, но гораздо позднее сформулирует Кант. И для этого Татищев незаметно переводит весь разговор на описание своего вожделенного объекта – *разумного человека*. Итак, ум – природное качество, а разумность приходит через науки и искусства. Они дают человеку «удобнейшую понятность», «твердейшую память, острейший смысл и безпогрешное суждение». Что в конечном итоге ведет людей к истинному благополучию, все «вредительное» отвергая [12, 83-84]. А что же касается бунтов, то, по мнению Татищева, никогда в истории «бунтов, от благоразумных людей начиная, не имел... а все из подлости и невежества» [12, 84]. Этот историософский тезис, мягко говоря, довольно сомнительный. Так, к примеру, анализируя ситуацию с восстанием Кромвеля в Англии, Татищев парадоксальным образом обнаруживает в нем больше коварства и политического стремления поддержать в своих сторонниках состояние «неученности». Из чего делает вывод: нам надлежит отдать дань уважения тем благоразумным государям, как европейским, так и российским, кто «неусыпно о распространении наук прилежали», подобно Генриху IV, Людовику XIV, Карлу I, Елизавете I, шведскому королю Густаву и, конечно же, Петру Великому, который, разумеется, «всех оных превосходит» [12, 84].

От этого ясного по смыслу утверждения Татищев, как могло почудиться его современникам, двинулся откровенно в неверном направлении. Ведь, он сформулировал для политического деятеля ранней империи довольно «крамольную» гипотезу. Для благополучия страны, с его точки зрения, гораздо важнее веротерпимость и правовой плюрализм (на манер английского или швейцарского), культурное и этническое разнообразие, вольность городов и, конечно же, *гражданская образованность*, которая реально гарантирует спокойствие в государстве и от бунтов «препятствие творит».

Впрочем, не стоит видеть в Татищеве либерального демократа. Он последовательный монархист, ксенофоб и неприкрытый антисемит. Что вовсе не свидетельствует в пользу того, что он был русским националистом. Это неведомое для той эпохи гражданское «чувство» придет в культурные контексты России лишь спустя столетие. А тогда Татищев мог позволить себе лишь «колкости» в адрес европейского разума, который-де был неприкрытым образом привержен коварству, плутовству и заговорам против России, в которых участвовало и католическое папство, и иезуиты, и вражески настроенные европейские монархии, и все прочие домашние «воры», раскольники, бунтовщики и вдобавок еще жида и цыгане [12, 88]. Здесь следует сделать важную оговорку: Татищев не винил сами эти народы или группы населения,

а лишь сетовал по поводу отсутствия у них коллективного просвещенного ума. Пожалуй, действительно, все дело в разной акцентуации в ставшей несколько позднее по времени довольно типичной для «русского ума» инвективе всему западному миру.

Для того, чтобы выстроить верную просветительскую программу, по мнению Татищева, необходимо было опереться на новые философские принципы. И здесь его просветительский замысел раскрывается наиболее полно, хотя при этом довольно непривычно как для застывшей в прошлом старой и в особенности провинциальной русской аристократии, так и вообще для читающей публики России в целом.

Вспомним, что главное недоумение по ходу развития «Разговора» постоянно выражает лишь собеседник автора, а сам отвечающий (Татищев), не жалея времени, все время ему что-то тщательно разъясняет. Так вот в основу гражданского поведения человека Татищев - к изумлению современников - поставил *любовь к самому себе* или, как он пишет, прямое «самолюбие». Безусловно, это был лексический аналог таким английским понятиям, как «egotism» и «self-interest», однако, как увидим далее, без всякого смыслового сходства. Татищев был неплохо знаком с английской и французской философией своего времени, владел западными идеями и языком рациональной философии. Но в то же время он совсем не стремился шокировать своих читателей новомодными западными мыслями. Напротив, он аккуратно приводил их ум в просвещенный на русский лад «порядок».

Предвидя вполне ожидаемые возражения, Татищев пишет о корректности понимания прямого «самолюбия» буквально следующее: человеку надлежит «...любить себя с разумом, то есть прилежать ко снисканию истинного, а не притворного благополучия, а не давать воли неправильному и непорядочному желанию» [12, 116]. Стремление к благополучию - совершенно естественное и надлежащее, но только если оно контролируется разумом. А поскольку разум формируется просвещением, то всегда есть уверенность в корректном обуздании прямого «самолюбия» во имя *гражданской истины*. На первый взгляд кажется, что несколько замысловато сформулировано. Но, согласитесь, не чересчур мудрено даже и для непросвещенного ума.

В этом фрагменте «Разговора» выражен базовый посыл моральной философии раннего русского классицизма о *примирении* человеческой природы с нормами и ценностями новой гражданской культуры через индивидуальный разум человека. Не противопоставление их и даже не переподчинение одного другому, а именно гармонизация, чему, собственно, и должна была служить просветительская философия, которая, по Татищеву, и выражена в «здравом уме» при его обязательном соотнесении с божеской волей. Учítывая, что рукопись

была составлена Татищевым на исходе первой трети XVIII века, мы вправе считать ее первой аутентично русской попыткой полноценной перцепции философии раннего европейского Просвещения, сбалансированной христианско-православной верой.

Государственную политику Татищев не случайно предпочитал именовать не иначе как «мудростью гражданской» и выводил из естественного права, а формы правления – из естественных обстоятельств, что, по его мнению, и привело к большому историческому разнообразию стран. В этом он довольно строго следует логике Пуфендорфа. Россия, пишет Татищев, перепробовала всякое и, в конечном итоге, признала наиболее для себя пригодной «самовластную и наследственную» монархию. *Сия воля есть высшая ценность*. Но она также своим естественным происхождением предопределена и ничто с ее достоинством «сравняться не может». И далее он предлагает читателям рассуждение о влиянии разума на управление человеческой волей. Через понятие «узды» говорил он о разумных ограничениях свободы, ибо «неразсудное своеволие вредительно есть». Одни «узды» накладывает на человека природа, другие – он сам на себя, а третьи – являются ему «по принуждению». Принуждение монаршее проистекает из «отеческого», а своевольное – из договорных отношений, которые опутывают все формы взаимодействия людей. Общественное согласие и социальная иерархия, по Татищеву, суть договорные начала, разумом подкрепленные [12, 121].

В отношении же дворянско-сословного просвещения (образования) Татищеву, действительно, было много, что сказать. Он пользовался непривычным для современного читателя словосочетанием «шляхетские науки», разумея под ними широкий спектр знаний и навыков, необходимых для «верного» служения дворянства - ратного и гражданского. Обучение молодых шляхтичей, по его мнению, должно было осуществляться за казенный счет и не только в столицах, но и повсеместно в больших губернских городах. Он подробно расписывал, кому можно доверить дело шляхетского просвещения: таким учителям, которые и сами в богословии подкованы, и благонравием отличны, а не проходимцы или ханжи какие-то, и в иностранных языках и науках европейских сильны были бы. Одним словом - людям «добраго рассуждения» [12, 130], опиравшихся как на рациональную философию, так и христианский морализм.

Словосочетанием «истинные сыны отечества» Татищев еще не пользовался, хотя изредка в своих текстах писал вместо этого «верные сыны», имея в виду, прежде всего, русских шляхтичей - *носителей кодекса государственного служения*. Впрочем, этот сюжет он так и не развил в отдельную тему. Тем не менее он, безусловно, подвел

итоговую черту под эпохой протопросветительского перелома и первоначального становления петровского сословно-государственного воспитания, вскрыв его перспективы и все архаизмы. При этом не следует преувеличивать, Татищев отнюдь не был «продвинутым» моральным философом, хотя многие его мысли относительно сословного воспитания дворянства в духе имперской верности и христианской добродетельности послужили своего рода интеллектуальным трамплином для «этического перехода» России сперва в «елизаветинский век», а позднее в екатерининскую эру классического просвещения.

Философия образования и аксиологии этатизма

Повторюсь, Татищев был, действительно, хорошо знаком с европейской общественно-политической традицией. В ходе многочисленных зарубежных поездок он смог собрать неплохую личную библиотеку, пользовался собранием книг и манускриптов князя Д.И. Голицына, в котором хранилось немало рукописных переводов европейской мысли позднего Возрождения и раннего Нового времени. Вероятно, что именно там он познакомился с сочинениями итальянских писателей XVI века, в том числе Макиавелли и Боккалини. Перу последнего принадлежал сатирический трактат «Пробный камень политики», на два тезиса которого Татищев яростно отреагировал в своем сочинении «Разговор двух приятелей».

Вначале он опровергает утверждение Боккалини о том, что якобы в государстве, чем проще народ, тем он более покорный и управляемый. Татищев категорически не принимает эту мысль, вновь клеймя ее как макиавеллистическую. Для него очевидно обратное: науки приносят государству куда больше пользы, «нежели буйство и невежество». Я не исключаю при этом, что он не совсем адекватно уловил мысль Боккалини, который различал развитие наук и просвещение народных масс. И это хорошо видно по тому, насколько ревностно Татищев отрицает второй взаимосвязанный с первым тезис именитого итальянца о позитивном значении свободы для расцвета наук и образования. «Вольность», а в то время именно так и переводили на русский язык европейский термин «свобода», по мнению Татищева, совершенно не важна и даже не уместна. В качестве доказательства он приводит русскую историю, которая, по его вполне квалифицированному суждению, говорит абсолютно об обратном: рост неограниченной власти русского монарха напрямую сказался на росте наук и образования. На кого при этом намекал Татищев, не трудно догадаться.

Важно понимать, что эти два принципиальных социально-философских основания современной образовательной политики легко уживались в «одной голове». Ответ Татищева следует из всего контекста его «Разговора двух приятелей»: *главный актер – не люди, а государство*. Ему куда проще и комфортнее быть деспотическим, урезать свободы людей, но при этом самому заботиться об образованности людей. Татищев не сомневался ни на йоту в логичности именно такой причинно-следственной связи. Кроме того, он сам признавал, что всегда рад иметь крестьян умных и ученых и, таким образом, именно *за собой резервировал права определять стратегии образования простого люда*. В этом и только в этом он видел российское просветительское движение вперед. А то, что социально-правовой статус низших слоев оставался рабским и всецело подчинительным, к историческому прогрессу, похоже, отношение не имело³.

Вредное и полезное – вот, собственно, те два измерения политической прагматики, которые определяют философию образования Татищева. И вновь не следует забывать: право определять вред и пользу от наук он крепко-накрепко закреплял за собой, очевидно, видя в себе «воплощение» высшей воли и интересов государства.

Татищев задается фундаментальным для всего раннего Нового времени этическим вопросом: чему надобно учиться, чтобы правильно различать добро от зла? И отвечает достаточно нетривиально: наукам, которые разделяются на «душевные» (богословие) и «телесные» (философия). Душевные приводят в порядок ум и смыслы, держат память в сохранности. Телесные приводят в гармонию душу и тело, и в свою очередь различаются на: «1) нуждные, 2) полезные, 3) щегольские или увеселяющие, 4) любопытные или тщетные, 5) вредительные» [12, 89]. Любопытная классификация наук, не правда ли? Она весьма точно отражает поисковый характер просветительской мысли той исторической эпохи.

Раскрывая природу и направленность наук «телесных», Татищев говорит, прежде всего, об их социально-гражданской сущности. Телесные науки ведут к совершенству личности, развивая «речение», человеческие навыки общежития и домоводство, которое он логически возводил к греческой «оэкономии», а также искусству жить по надобности, во здравии и соответственно прилежанию, в должной физической форме и труде. Но и не забывать при этом о божественных законах и предписаниях.

³ Разбор этого сюжета с точки зрения механизмов трансляции западного знания в контексты ранней русской мысли предложил недавно С. Польской [8, 236-241].

Полезность образованности Татищев видит в *частном* и *общем применении* знаний. Он не жалеет времени, чтобы прояснить читателю важность грамоты, основ риторики и умения выражать свое мнение, знания «инородных» языков, математики, истории, генеалогии, хронологии, естественных наук и т.д. К «щегольским» наукам Татищев относил поэзию, музыку, вольтижирование, живопись. А вот к «тщетным» – астрологию, физиогномику, хиромантию и им подобные учения. И, наконец, к «вредным» – всяческие языческие навыки и умения, типа заговоров, чернокнижества и прочие, как он выражался, «дурачества».

После того, как науки «рассортированы» им по полочкам, Татищев приступает к обсуждению собственно вопросов образования. И с самых первых фраз заявляет о себе как о последовательном противнике всякого домашнего воспитания и частного обучения в силу их ретроградности и низкого дидактического потенциала. Он, действительно, искренне полагал, что альтернативы государственным образовательным учреждениям для дворянского сословия попросту нет. А среди уже имевшихся институций он особенно выделял Кадетское училище, хотя и критиковал его образовательные практики и принципы. Дело подготовки просвещенного молодого поколения дворянства, по его мнению, надлежало организовать более продуманно и *в соответствии с государственными нуждами и требованиями*. Но именно этого и не хватало первым российским училищам. Богословие было фактически заменено катехизмом, что отнюдь не способствовало научению молодой дворянской поросли благонравию и благочестию. Закон божий преподавался время от времени, в результате чего не формировалось понимание пользы от «душевной» науки. Из рук вон плохо преподавались математика, фортификация, иностранные языки. Но самое главное, утверждает Татищев: в них за неимением достойных учителей не велись курсы естественного и гражданского права. А именно в них он видел важнейшую историческую перспективу для новой России [12, 106-107]. Подводя итог своему анализу, Татищев вновь вспоминает о Кадетском училище, которое годилось в лучшем случае для выращивания узкого слоя придворного офицерства, почти не влияло на просветительское «переформатирование» всего сословия и, уж совсем очевидно, никак не способствовало ни самим наукам, ни общему просвещению в целом⁴.

⁴ Упоминает Татищев и вкратце разбирает опыт и других не менее известных столичных образовательных институций (Адмиралтейскую, Артиллерийскую и Инженерную школы). И все под тем же скептическим углом зрения,

Начальные и инженерные школы Татищева: опыт успехов

Поворотным моментом в биографии Татищева по праву считают 1720 г., когда по указу Петра Великого он направлялся на Урал с рекогносцировочными целями и для выяснения возможностей строительства рудных заводов. Именно здесь он реализовал себя и как ученый-энциклопедист, и как государственный предприниматель, и как устроитель первых специализированных и общих образовательных учреждений. В своих ранних донесениях в столицу Татищев отмечал катастрофическую нехватку для заводов местных кадров, но при этом всегда выражал веру в то, что их можно *вырастить* из выбранных для этой цели одаренных детей. Уже зимой 1721 г. он пишет известное письмо-наказ комиссару Уктусского и Алапаевского заводов, Тимофею Бурцеву, об идеологии и общих принципах организации заводских школ [1]. Сохранилась также его активная переписка с уральскими чиновниками относительно начальных школ, в том числе «словесных» и «арифметических». Его перу принадлежат несколько докладных записок Сибирскому горному начальству и даже в столичную Берг-коллегию, в которых он ведет речь о подготовке рабочих кадров на Урале, причем не только в плане специальной технической подготовки, но и просто во имя обучения элементарной грамотности.

Впрочем, в то время профессиональных педагогов взять было просто неоткуда, так что ждать помощи из центра не имело смысла, и тогда Татищев принимает ответственность на себя и становится по праву «великим» организатором образования на периферии империи.

Первые словесные и арифметические школы были созданы им для детей рабочих и мастеровых уральских заводов, отчасти и приписных крестьян. Школы учреждались во всех слободах, прикрепленных к заводам, а в 1725 г. он уже открывает две большие школы в Екатеринбурге. Впрочем, и это не могло решить задачу преодоления кадрового дефицита, и тогда Татищев приступил к организации первых в Европе *смешанных школ*, в которых начальное обучение сочеталось с работой на рудниках. Татищев-прагматик полагал, что таким образом будет проще сформировать уральский корпус заводчан с нужными рабочими профессиями. В 1735 г. только в одном Екатеринбурге действовало пять таких специализированных школ. В немецкой

критикуя их в основном за односторонность образовательных программ. Досталось от него Московской Спасской и Киевской школам за некачественное образование. И, напротив, он очень позитивно высказывался о практике отправки перспективной молодежи на учебу за границу, хотя тоже видел в этом как свои полюсы, так и минусы.

горнозаводской школе учились дети дворян, в латинской – дети духовенства и иностранных специалистов. А среди учебных предметов наряду с математикой и геометрией, появились такие, вполне современные инженерные дисциплины, как геодезия, маркшейдерство, пробирное дело, черчение. Многие программы разрабатывал сам Татищев, им же была продумана курсовая логика перехода от общих и начальных знаний к углубленному изучению инженерных специальностей. За учителями устанавливалась строгая инспекция, на основании доносов одних выгоняли и набирали других. Вначале тщательный контроль осуществлял сам Татищев, но позднее передал его в круг полномочий заводских администраций.

Горнозаводские школы были ведомственными, для детей «со стороны» они были закрыты. Кроме того, выпускники школ обязаны были пойти на работу туда, где требовался их квалифицированный труд, а трудовое самоопределение даже и не предполагалось. По приходам проводились переписи детей, чтобы адресно выбирать их для дальнейшей подготовки. Эти школы Татищева, во-первых, довольно быстро создали группу образованных техников, рабочих и мастеров, а во-вторых, заложили добротную основу для горнотехнического специализированного образования на Урале [3, 53-54]. И все это Татищев успел сделать за какие-то полтора десятилетия. Уезжая из Екатеринбурга в 1737 г., кроме институционального задела он оставил в наследство уральским школам значительную часть своей личной библиотеки, по тем временам – просто «царский» подарок.

Оценивая вклад Татищева в развитие инженерного образования, следует помнить, что: (1) он был последовательным проводником в жизнь петровской концепции образования во имя научно-технического прогресса страны; (2) он ни на йоту не отходил от своего радикального этатизма и, в первую очередь, думал о пользе государства, хотя, разумеется, от всего этого выиграло и инженерно-рабочее сословие тоже, по крайней мере самим фактом своего социального восхождения и обретения новых жизненных перспектив; (3) в его модели – детей собирали в школы по аналогии с воинским призывом, а выпускников фактически «прикрепляли» к заводским рабочим местам, никакая свобода выбора ни в ходе образования, ни на этапе самоопределения не предполагалась; (4) он мечтал об инициировании централизованной системы управления за организацией начального образования и для контроля самого процесса обучения, причем думал об этом за долгие столетия до создания Министерства просвещения в российской империи, то есть даже и не допускал мысли о школьном самоуправлении или переподчинении образования местной власти, хоть и настаивал всегда на «вольности» русских городов.

Его административное мышление было цельным, государственным и центростремительным. В вопросах об общей политике в области образования он отстаивал передовой для своего времени принцип доступности начального образования для детей всех сословий и обоих полов. И все же, мне представляется, что Татищев рассуждал таким образом лишь потому, что в принципе не доверял никаким негосударственным образовательным институциям и моделям. И, надо признать, имел на это все основания. Он искренне полагал, что жесткий и строгий государственный контроль может и должен быть выгоден как центральной власти, так и всем обучающимся.

Институциональная «память» и «колея истории» в образовании

9 ноября 1736 г. Татищев буквально в один присест составляет рукопись – инструкцию учителям школ при Уральских заводах, озаглавив ее «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [11, 235-243]. Этот документ можно считать педагогическим «шедевром» и своего рода «новым заветом» для всей российской педагогики. В инструкции Татищев с присущей ему строгостью мысли и языка подводит концептуальный итог своей деятельности на Урале в виде развернутых тезисов философско-институциональной направленности – с невероятным педантизмом и вниманием к мельчайшим деталям обустройства процесса, содержания образования и педагогической этики. Наставления Татищева сохраняли свою свежесть и актуальность многие десятилетия спустя, если не сказать столетия, настолько они были взвешенными, точными и новаторскими. А главное, для русской культуры они абсолютно попадали «в точку». Вряд ли Татищев был хорошо знаком с европейской педагогикой раннего Нового времени и, в особенности, с деталями урочно-классной системы Коменского, ознаменовавшей собой начало современной модели образования. Но то, что предложил Татищев, вполне корреспондировало универсальной концепции общего и специального образования зарождавшегося тогда проекта – российский модерн. И по большому счету все его наставления не утратили прагматики в последующие три столетия – для педагогики как в царский, так даже и в советский периоды.

В данном очерке нет надобности подробно раскрывать содержание этих наставлений, поэтому я упомяну лишь их базовые философско-смысловые основания для того, чтобы можно было представить себе, каким образом Татищев мыслил и тем самым закладывал самую глубокую «колею истории» в развитии отечественного образования.

Прежде всего, несколько слов о том, как Татищев вообще представлял образование институционально. Для него была очевидна необходимость в нем для всех сословий и рабочего люда в том числе; он настаивал и на финансовой поддержке для детей из малоимущих семей. В целях развития эффективного профессионального образования он первым в России предложил прозрачную трехступенчатую модель, которая, однако, разовьется в систему лишь через добрую полсотню лет. Сам же Татищев успел лишь внедрить в своих школах на Урале основы модульного обучения, соединив практику и общетеоретическую подготовку. И – что, пожалуй, крайне важно для нашей традиции – он постоянно подчеркивал разницу между обучением и воспитанием, считая последнее не менее значимой государственной задачей, а в их совокупности – предметом социальной политики. Все это, как видим, сохранилось и прекрасно «работает» и в наши дни.

И все же самой примечательной была его педагогическая «картина мира». В том макрокосмосе общей и специальной дидактики фигуре «учителя» Татищев без сомнений отвел ведущую роль. Он скрупулезно расписывает вплоть до самых мелочей, каким образом учителю надлежит организовывать сам процесс научения, от распорядка дня до разных методик преподавания общих предметов и профильных технических дисциплин. А поскольку Татищев полагал и «воспитание» важной заботой для процветания империи, то и эту сферу он не мог не обойти вниманием, сосредоточившись сперва на «облике» учителя, как живого воспитательного образца, перейдя затем к формам прямого и косвенного воспитательного воздействия на учащихся. Каким надлежало быть и казаться учителю, расписано им весьма пунктуально. Что же касается педагогической психологии, то и здесь он смог рассмотреть разные ситуации, при которых поощрение или наказание могут повлиять на формирование морального профиля ученика. Татищев советовал провоцировать ситуации успеха, как эффективные дидактические практики, а также прививать любовь к просвещению и почтительное отношение к знанию.

Одним словом, Татищев своей успешной педагогической практикой и несколькими выдающимися для ранней империи педагогическими сочинениями, пусть и непреднамеренно, но все же сыграл роль русского «Яна Коменского», сформулировав такой учительский кодекс, который, как мне кажется, почти не изменился с того времени. Татищев, как и Коменский, стремился к гармонии религиозной веры и рационального светского знания, конструируя вокруг первого социально-нравственный код современного человека, а вокруг второго – его профессиональную идентичность и культуру.

А в качестве мостика между этими двумя эпистемологическими сферами Татищев предложил *этос государственного служения*. Причем именно государственного, а не вассального или общественного. Даже такие понятие – честь и достоинство – он упорно привязывал к императорской «службе», которая могла быть как ратной или административной, так и гражданской.

И сейчас с высоты нашего времени мы вправе признать – Василию Татищеву мы обязаны тем, что *многовековая традиция синтеза этатизма и морализма*, составившая основу нашей государственности, была успешно инсталлирована им в образовательно-воспитательный процесс и, несмотря на многочисленные и регулярно повторявшиеся в истории «шараханья» отечественной педагогики из стороны в сторону, на протяжении последовавших трех столетий именно этот синтез неизменно составлял фундамент отечественной «аксиологии этатизма».

Список литературы

1. *Бабилов И.И.* Из истории Урала. Урал с древнейших времен до 1917 г. Сборник документов и материалов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1971.
2. *Валк С.Н.* О всемирном «умопродвижении» В.Н. Татищева // В.Т. Пашуто (Ред.) *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М.: «Наука», 1972. С. 196-197.
3. *Жаровина О.А.* Аксиологичность педагогической деятельности В.Н. Татищева // *Педагогическое образование*. 2008. № 1. С. 52-55.
4. *Леднев В.П.* Становление общего и профессионального образования на Урале (XVII-XIX вв.) // *Образование и наука*. 2003. № 1. С. 105-118.
5. *Мазарчук Н.М.* Современные подходы к трактовке взглядов выдающихся деятелей отечественного образования первой половины XVIII в. // *Педагогическое образование*. 2008. № 1. С. 47-51.
6. *Моряков В.И.* Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII в. // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2009. № 2. С. 42-58.
7. *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики. М.: Новое издательство, 2008.
8. *Польской С.В., Ржеуцкий В.С.* (ред.) *Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века*. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
9. *Попов Н.А.* В.Н. Татищевъ и его время. Москва: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861.

10. *Смирнов В.И.* В.Н. Татищев у истоков отечественной модели педагогического образования // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 7-11.

11. *Татищев В.Н.* Записки. Письма. 1717-1750 гг. Под ред. А.И. Юхта. М.: «Наука *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Под ред. С.Н. Валка. Ленинград: «Наука», 1979.

12. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. Москва-Ленинград: «Наука», 1962.

13. », 1990.

14. *Татищев В.Н.* Собр. соч. в 8 т. М.: Ладомир, 1994-1996.

15. *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

16. *Федюкин И.И.* Прожектеры. Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

17. *Юхта А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М.: «Наука», 1985.

